

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-103-108
УДК 821.161.1 + 821.521.37

РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО «КОСТОЧКА» В ПЕРЕВОДЕ НА КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК

© Ольга Болдырева, Байрта Арашаева

LEO TOLSTOY'S STORY "THE BONE" TRANSLATED INTO THE KALMYK LANGUAGE

Olga Boldyreva, Bairta Arashaeva

The work of Leo Tolstoy attracted the attention of Kalmyk writers from the first steps of the national literature development. The Kalmyk translators' interest in Tolstoy's stories contributed to the further development of Kalmyk children's literature. Young readers were able to read them in their native Kalmyk language. The high poetry, compositional completeness and simplicity of the plot make each story by Leo Tolstoy instructive and loved by all children. The stories were translated not only by the classics of Kalmyk literature, but also by those who worked with children and taught them their native language. They are included in the circle of reading for children and have firmly occupied a place in school textbooks. Translations of Tolstoy's works for children are widely used in pedagogical and educational practices. This article is devoted to the problem of the original meaning transformations in the translation of the story "The Bone" by Leo Tolstoy from Russian into Kalmyk. The problem is relevant in connection with the revival of the people's spiritual culture and the intensification of ethno-cultural processes in the field of mutual enrichment of languages. The article provides a comparative analysis of the sentence structure in relation to the order of words in the original and the variant translated into the Kalmyk language. The article analyzes how the changes in the word order bring about the changes in the meaning of a sentence, as well as the grammatical aspects of the Kalmyk language.

Keywords: Leo Tolstoy, story "The Bone", translation into Kalmyk, transforming the meanings, grammar of the Russian and Kalmyk languages.

Творчество Л. Н. Толстого привлекало внимание калмыцких писателей с первых шагов развития новой национальной письменной литературы. В частности, обращение калмыцких переводчиков к рассказам Л. Н. Толстого для детей способствовало развитию калмыцкой детской литературы. Юные читатели имели возможность познакомиться с рассказами Л. Н. Толстого на родном калмыцком языке. Высокая поэтичность, композиционная завершенность, простота сюжета делают каждый рассказ Л. Н. Толстого произведением поучительным и любимым для детей. Переводили толстовские рассказы не только классики калмыцкой литературы, но и те, кто работал с детьми, обучал их родному языку. Рассказы Л. Н. Толстого до сих пор входят в круг детского чтения, прочно занимают место в школьных учебниках. Широко используются переводы произведений для детей в педагогической и культурно-воспитательной работе.

Настоящая статья посвящена проблеме трансформации смыслов оригинала в процессе перевода рассказа (были) Л. Н. Толстого «Косточка» на калмыцкий язык. Проблема эта в целом актуальна в связи с возрождением духовной культуры народов, интенсификацией этнокультурных процессов в области взаимного обогащения языков. В статье проводится сравнительный анализ структуры предложения по отношению к порядку слов в оригинале и при переводе на калмыцкий язык. Анализируется то, как изменение порядка слов меняет смысл предложения, а также грамматические аспекты калмыцкого языка, отраженные в переводе.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, рассказ-быль «Косточка», калмыцкий перевод, трансформация смыслов, грамматика русского и калмыцкого языков.

Многие калмыцкие писатели и ученые обращали внимание на литературные сочинения и философско-публицистические труды Л. Н. Толстого. Посещая музей-усадьбу Л. Н. Толстого в

Ясной Поляне, они отмечали, что места, связанные с жизнью писателя, помогают почувствовать его величие и простоту, вдохновляют на творчество. Так, народный поэт Калмыкии Давид Ку-

гультинов, побывав в Ясной Поляне, писал о том, что Л. Н. Толстой вошел в жизнь каждого человека как высококультурное богатство, подлинное сокровище. Он достиг ума практически каждого человека, яснее и глубже других писателей показал основы добра и зла. Поэтому его произведения могут найти свое место в душе абсолютно каждого человека – как художника, так и не художника. Фигурально можно сказать так: сила солнца вечна, как и сила ума Л. Н. Толстого, она будоражит души людей [Бембеев, 1978, с. 4].

В 1959 году Эльдя Кектеев в статье «Сила жизни» раскрыл своеобразие влияния произведений Л. Н. Толстого на калмыцких писателей [Кектеев, с. 14]. Поэт и литературовед Римма Ханинова, занимавшаяся творчеством Л. Н. Толстого (см.: [Ханинова, 2007]), написала лирический цикл «По мотивам буддийских басен», а также посвятила памяти Л. Н. Толстого стихотворение «Зеленая палочка» [Ханинова 1994], [Ханинова, 2008]. Вера Шуграева, народный поэт Калмыкии, после посещения Ясной Поляны и под впечатлением от увиденного написала стихотворение «Лев Толстой», которое было опубликовано в 1974 году в газете «Калмыцкая правда» («Хальмг Үнн») [Шугран. Лев Толстой 1977]; оно затем вошло в авторский сборник «Дневное преображение» («Өдрин шинрлт») [Шугран. Өдрин шинрлт]. Поэт Евгений Пахомов посвятил Л. Н. Толстому цикл стихотворных раздумий «Двадцатый век, начало... Размышления о судьбе графа Льва Толстого» [Пахомов, с. 115–117].

Калмыцкие писатели переводили произведения Л. Н. Толстого на родной язык (см.: [Толстой, 1991], см. также перевод воспоминаний личного секретаря Л. Н. Толстого: [Гусев]). Наиболее полные переводы рассказов Л. Н. Толстого были изданы в 1961 году (к 50-летней годовщине со дня смерти писателя) [Толстой, 1961]. Среди переведенных текстов – рассказы из «Азбуки» («Филиппок», «Пожарные собаки», «Лев и собачка», «Кавказский пленник» и др.), а также «Метель», «После бала»¹.

¹ Сам Л. Н. Толстой писал о своих встречах с калмыками, которые происходили во время войны с горцами на Кавказе. В январе 1854 года, возвращаясь из Кавказа в Ясную Поляну, он попал в сильный буран, после чего им был написан рассказ «Метель», где говорится о калмыцкой земле: «Ворочаться мне не хотелось; но и проплутать всю ночь в мороз и метель в совершенно голой степи, какова эта часть Земли Войска Донского, казалось очень невесело» [Толстой, 1935, с. 119]. Калмыки – единственные буддисты на юге России. Поэтому правомерно обратить внимание

Остановимся на переводе рассказа «Косточка»². Нас будет интересовать проблема транс-

на буддийскую сказку под названием «Карма», вольно переведенную Л. Н. Толстым в 1894 году из американского журнала «Открытый суд» («Open Court») [Толстой, 1954, с. 46].

² Рассказ вошел в сборник детского чтения «Новая азбука» (продолжение прежней «Азбуки»), напечатанный в 1875 году. В жанровом плане произведение это было определено автором в качестве «были».

Приведем рассказ Л. Н. Толстого и его полный перевод на калмыцкий язык, выполненный Ириной Надвиговой.

Оригинал: «Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и все нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он все ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: „А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?“ Все сказали: „Нет“. Ваня покраснел как рак, и сказал тоже: „Нет, я не ел“.

Тогда отец сказал: „Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь“.

Ваня побледнел и сказал: „Нет, я косточку бросил за окошко“.

И все засмеялись, а Ваня заплакал» [Толстой, 1957, с. 127].

Перевод: «Нэге дэжжи аакы өрег хулдыжи авчи ирнэ. Үдин хотын хөөнэ күүктэдтэн өгхэр өрегүдиги ааһды тэвнэ. Ваня көвүн жилвтэд, ширэ эргэд йовад бээнэ. Зуг авчи иджэхши, унерчилчкэд хэрү ааһдын тэвчкэд бээнэ. Тэре өрөһэс эмтен хархыла, Ваня бийэн бэржи чадад, нэге өрегииги авад идчикве.

Үдин хотын өмнө аакы өрегүдиги толад, нэге өреге дутжахинь мэдэд, гериин эзенде кэлве.

Үдлэ эцке күүкдэсен сурна: „Куукед, тэре ааһды бээсен өрегүдэсе күүн идсен болвыза?“ – „Уга“, – гижичи цуһар хэрү өгве. Ваня цаяха кэвтэ улаһад, басы „уга“ гижичи кэлве.

Тиигхелэ эцке кэлжэнэ: „Танасы кэн идсень йилһел уга, ээхе юмен биши. Ээмшиг юунды гихлэ, тэре өрегте ясын бээнэ. Тэре ясииги зальгысын күүн маңһыдуртынь үкчи одна. Би энүнэсе ээжэнэв“.

Гэнтекен Ваня кэлве: „Уга, би ясинь хайчикүв“. Тиигэд кэлхелэнь цуһар инэве, зугы Ваня уульвы.

Нег дэжж аак өрг хулдж авч ирнэ. Үдин хотын хөөн күүктэдтэн өгхэр өргүдиг ааһд тэвнэ. Ваня көвүн жилвтэд, ширэ эргэд йовад бээнэ. Зуг авч иджэхш, үнрчлчкэд хэрү ааһдн тэвчкэд бээнэ. Тер өрөһэс эмтн хархла, Ваня бийэн бэрж чадад, нег өргиг авад идчкв.

Үдин хотын өмнаа өргүдиг тоолад, нег өрг дутжахинь медэд, герин ээнд келв.

формации смыслов русского оригинала в переводном калмыцком тексте. Актуальность проблемы определяется необходимостью изучения памятников словесного искусства на разных языках в связи с интенсификацией этнокультурных процессов. Переводы демонстрируют иноязычным читателям образцы творческого наследия конкретного писателя, обогащают язык, на который переводятся эти произведения, развивают кругозор читателя. Проблема трансформации смыслов оригинала в переводческой практике на материалах калмыцкого и русского языков изучена недостаточно.

Калмыцкий язык, как известно, относится к монгольской группе алтайских языков, а русский принадлежит к восточной группе славянских языков индоевропейской семьи. У них есть множество схожих и отличительных грамматических черт. В обоих языках, кроме того, имеются сходства и различия в структуре предложений.

В русском языке порядок слов свободный: а) подлежащее + сказуемое + второстепенные члены предложения, б) сказуемое + подлежащее + второстепенные члены предложения, в) второстепенные члены предложения + сказуемое + подлежащее, г) второстепенные члены предложения + подлежащее + сказуемое. В калмыцком языке порядок слов более категоричный и не может быть изменен, если разные члены предложения выражаются одной и той же частью речи. В структуре калмыцкого предложения есть паттерн, согласно которому все члены предложения расположены в следующем порядке: подлежащее + второстепенные члены предложения + сказуемое [Гото, с. 130].

Вот пример из рассказа «Косточка»:

«Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127]. – «Экнь хар Өрг хулдж авад, энүгэн үрдүдтэн үдин хөһн Өгхэр седв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 23]. – «Мать сливы купила, их детям после обеда дать хотела» (буквальный перевод с калмыцкого).

Изменение порядка слов вызывает изменение значения предложения. Мы наблюдаем это как в русском, так и в калмыцком языке, когда пере-

ставляем местами субъект и объект, и в результате получаем абсурдный смысл.

Далее. Когда мы говорим о порядке слов, порядок обстоятельства в предложении конкретен. Факт выполнения, выраженный качественным наречием, в калмыцком языке обычно ставится перед глагольным членом предложения. В русском языке это не наблюдается, что объясняется иным порядком слов. В калмыцком – сказуемое в конце предложения, а в русском – в любом месте, но обычно на втором, после подлежащего.

1. «Они <сливы. – О. Б., Б. А.> лежали на тарелке» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Хар Өрг тэрлэд бээлэ» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 23].

«Сливы на тарелке лежали» (буквальный перевод с калмыцкого).

2. «Она сказала отцу» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Энүгэн эцкд келв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Она отцу сказала» (буквальный перевод с калмыцкого).

3. «... я косточку бросил за окошко» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Би тер ясиг терзэр хазаран хайчклав» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Я ту косточку в окно на улицу выбросил» (буквальный перевод с калмыцкого).

Обстоятельства времени могут располагаться либо в начале, либо в середине предложения. Это характерно как для русских, так и для калмыцких предложений.

«Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Үдин хотын Өмн экнь хар Өргэн тоолхла, негнь дугжаснь медгд» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Перед обедом мать сливы посчитала, одной нет, она поняла» (буквальный перевод с калмыцкого).

Эти особенности, которые проявляются в структуре простого предложения в русском и калмыцком языках, важно учитывать при переводе текста с одного языка на другой.

При переводе с русского на калмыцкий возможна грамматическая замена простого предложения сложноподчиненным.

«И все засмеялись» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Тиигж келхлэнь, цугтан инэлдв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Когда он так сказал, все засмеялись» (буквальный перевод с калмыцкого).

Үдлэ эц күүкдэсн сурна: „Күүкд, терааһд бээсн өргүдэс күн идсн бовза?“ – „Уга“, – гиж цуһар хэрү өгв. Ваня цаяха кевтэ улаһад, бас „уга“ гиж келв.

Тиигхлэ эцк келжэнэ: „Танас кен идснь йилһл уга, ээх юмн биш. Ээмшг юунд гихлэ, тер өргт ясн бээнэ. Тер ясиг залгсн күн маңдуртнь үкч одна. Би энүнөс ээжэнэв“.

Генткн Ваня келв: „Уга, би ясинь хайчкув“. Тиигэд келхлэнь цуһар инэв, зуг Ваня уульв» [Толстой, 2000].

А. А. Зализняк и Е. В. Падучева выделяют такой грамматический аспект, как относительные предложения. В лингвистических работах термин «относительное предложение» может использоваться как сокращение для двух различных более полных терминов: «относительное придаточное предложение» и «сложноподчиненное предложение с относительным придаточным» [Зализняк, Падучева, с. 61]. Как и в других алтайских языках, в калмыцком языке основной стратегией образования относительных предложений является причастная стратегия, в которой причастие функционирует как предикат относительного оборота.

«Ваня никогда не ел слив и все нюхал их» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Ваня тѳруц хар ѳрг идж үзэд угадан, соньмсад, үнрлчэд бээв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Ваня, сливы никогда не ел и не видел, интересуясь, нюхая их, стоял» (буквальный перевод с калмыцкого).

В калмыцком предложении причастия и деепричастия стоят в середине предложения, перед сказуемым.

В 1977 году Э. Кинэн и Б. Комри сформулировали принципы иерархии доступности и ее ограничения [Кинэн, Комри]. Иерархия доступности выражает относительную восприимчивость к релятивизации для различных положений именных групп (ИГ). Эта иерархия такова: «подлежащее», «прямое дополнение», «косвенное обстоятельство», «косвенное дополнение», «владелец ИГ», «объект сравнения». Авторы работы утверждали, что релятивизируемость одних позиций зависит от релятивизируемости других и что такие позиции в общем универсальны.

По мнению К. А. Крапивиной, единственной стратегией релятивизации в калмыцком языке является причастная стратегия, характерная для алтайских языков, особенно монгольских языков, которая создает препозитивные относительные обороты с внешней вершиной и представлена двумя различными вариантами, которые позволяют релятивизировать большую часть иерархии доступности Э. Кинэна и Б. Комри [Крапивина, с. 499].

Наиболее важным фактором при выборе между причастиями в функции относительного оборота сказуемого является характерный аспект этой ситуации. Для причастий на -эп и -һэ, менее заметные в аспектном плане, более важно абсолютное временное положение указанной ситуации. Таким образом, с точки зрения будущего, за редким исключением употребляется при-

частие на -һэ, с точки зрения настоящего – его сочетание с прогрессивом -за. Как считает Г. Д. Санжеев, причастие будущего на -һэ охватывает как будущее, так и настоящее, что согласуется с другими фактами калмыцкого языка, свидетельствуя о взаимодействии зон будущего и настоящего [Санжеев, с. 295].

«Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет» (Л. Н. Толстой) [Толстой, 1957, с. 127].

«Учрнь – хар ѳргд ясн бээдмн, терүг эс идж чадсн күн зальгчкхла, манһдуртнь үкж оддмн» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Причина – в сливе, косточка есть, ее, не умеющий человек если проглотил, назавтра умрет») (буквальный перевод с калмыцкого).

Что касается прошлого, то оказывается важным разделить его на перфективные и имперфективные виды. В перфективе всегда используется причастие на -һэд, в имперфективных возможен выбор между причастием на -һэд и его комбинацией с прогрессивным показателем -за, который определяется двумя постепенно взаимодействующими факторами [Пюрбеев, с. 101].

«Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел» [Толстой, 1957, с. 127].

«Тиигжэһэд герт күн уга кемлэ жилтэн тесч ядад, нег хар ѳрг авад идчкв» (перевод Ирины Надвидовой) [Толстой, 2000, с. 24].

«Выждав момент, когда в доме не было людей, не справившись с желанием, одну сливу он схватил и съел» (буквальный перевод с калмыцкого).

Одновременность действия, которая выражена причастием, и действия, выраженного в главном предложении, – это первый фактор. Одновременность – аргумент в пользу использования индикатора -за, а неодновременность – против [Пюрбеев, с. 101]. Второй фактор, влияющий на выбор формы, – это акциональный класс глагола, от которого образовано причастие. Чем более вероятно окончательное толкование глагола, тем скорее будет использован прогрессивный индикатор, и наоборот. Кроме того, обстоятельства времени, которые указывают на длительность, могут выступать своеобразной «заменой» прогрессивного показателя [Там же, с. 102].

В калмыцком языке в результате невозможно выделить единственный фактор от сказуемого, который определяет выбор причастия на роль относительного оборота, бессоюзные предложения, не имея формальных средств выражения, наделены возможностями имплицитной реакции их зависимости. Бессоюзные предложения в сравнении со сложносочиненными предложе-

ниями склонны к многозначности выражаемых отношений, способны совмещать разные видовременные фоны в границах общего плана времени, создаваемого содержанием предложения. Громоздкость структуры сужает сферу употребления сложных предложений. Для разговорной речи они не характерны, а если и употребляются, то с оттенком книжности. Другими словами, если для рассказа Л. Н. Толстого характерна нарочитая простота и стиливой минимализм, то в калмыцком переводе сохраняется сочетаемость двух регистров: устно-народной разговорности и книжно-письменной формы выражения значений.

Список литературы

- Басаев Д. «...И отыграть потерянное ламе в шахматы»: об увлечении Л. Н. Толстого шахматами, о встрече писателя с буддистским ламой // Известия Калмыкии. 2009. 23 января (№ 8–9). С. 15.
- Гото К. В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. № 2. Т. 5. 2009. С. 124–159.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: Русские словари, 1997. С. 59–107.
- Кектеев Э. М. Дорогое мое Приволжье. Элиста: Калмиздат, 1966. 23 с.
- Кинэн Э., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982. С. 111–165.
- Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. № 2. Т. 5. 2009. С. 497–510.
- Пахомов Е. Ф. Восточный странник. Элиста: Джангар, 2003. 206 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во. 1979. 141 с.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во. 1983. 335 с.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. III: Произведения (1852–1856). М.: Художественная литература, 1935. 344 с.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. XXI: Новая Азбука и Русские книги для чтения (1874–1975). М.: Художественная литература, 1957. 692 с.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. XXXI: Произведения (1890–1900). М.: Художественная литература, 1954. 325 с.
- Ханинова Р. М. Буддийские координаты на карте жизни и творчества Льва Толстого // Мандала. 2008. № 16–17. С. 14–21.
- Ханинова Р. М. Сказка Л. Н. Толстого «Карма» в аспекте «Дхаммапады» // Лев Толстой и мировая литература: материалы Международной научной конфе-

ренции, музей-усадьба «Ясная Поляна», 22–25 августа 2005 года. Тула: Ясная Поляна, 2007. С. 103–117.

Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой... Элиста: Джангар, 1994. С. 193–213.

Гусев Н. Н. Л.Н. Толстойин туск тодлврмуд / орсас орчулснь Бакан Бембет // Хальмг Үнн. 1960. 20 укр сар (№ 229). С. 2–3.

Толстой Л. Н. Бууда / орчулснь Окна Борис // Хальмг Үнн. 1991. 20 така сар (№ 136). С. 2.

Толстой Л. Н. Келврмуд: Л.Н. Толстой өнгрэд 50 жил болжах өөнд. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1961. 180 х.

Толстой Л. Н. Ясн / орчулснь Ирина Надвидэ // Хальмг Үнн. 5 лус сар. 2000. Х. 23–24.

Шугран В. Лев Толстой // Хальмг Үнн. 1977. 15 марта (№ 52). Х. 4.

Шугран В. Өдрин шинрлт. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1977. Х. 31–33.

References

- Basaev, D. (2009). "...I otygrat' poteriannoe lame v shahmaty": ob uvlechenii L. Tolstogo shahmatami, o vstreche pisatel'ia s buddistskim lamoi ["...And to Win Back What I Have Lost the Lama at Chess": About Leo Tolstoy's Passion for Playing Chess, a Meeting of the Writer with a Buddhist Lama]. *Izvestiia Kalmykii*. 23 ianvar'a. (No. 8–9). P. 15. (In Russian)
- Goto, K. V. (2009). *Sistema finitnyh form proshedshago vremeni v kalmytskom iazyke* [The System of the Finite Forms of the Past Tense in the Kalmyk Language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. No. 2. Tom 5, pp. 124–159. (In Russian)
- Gusev, N. N. (1960). *L. N. Tolstoiin tusk todlvrmud* [Memoirs of Leo Tolstoy]. Orsas orchulsn' Bakan Bembet. Hal'mg Ynn. 20 ukr sar (No. 229). Pp. 2–3. (In Kalmyk)
- Kekteev, E. M. (1966). *Dorogoe moe Privolzh'e* [My Dear Volga Region]. 23 p. Elista, Kalmizdat. (In Russian)
- Khaninova, R. M. (2008). *Buddiiskie koordinaty na karte zhizni i tvorchestva L'va Tolstogo* [Buddhist Coordinates on the Map of Leo Tolstoy's Life and Work]. *Mandala*. No. 16–17, pp. 14–21. (In Russian)
- Khaninova, R. M. (2007). *Skazka L. N. Tolstogo "Karma" v aspekte "Dhammapady"* [L. N. Tolstoy's Tale "Karma" in Terms of "Dhammapada"]. *Lev Tolstoi i mirovaia literatura: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Iasnaia Poliana, 2–25 avgusta 2005 goda*. Tula, Iasnaia Poliana, pp. 103–117. (In Russian)
- Khaninova, R. M. (1994). *Vzletet' nad mira suetoi...* [Soaring above the World's Hustle and Bustle]. Pp. 193–213. Elista, Dzungar. (In Russian)
- Kinen, E., Komri, B. (1982). *Ierarkhiia dostupnosti imennyh grupp i universal'naia grammatika* [Hierarchy of Accessibility of Nominal Groups and Universal Grammar]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 11. Pp. 111–165. Moscow, Progress. (In Russian)
- Krapivina, K. A. (2009). *Prichastie v roli skazuemogo otnositel'nogo oborota v kalmtsckom iazyke* [Participle in the Role of the Predicate in the Relative

Construction in the Kalmyk Language]. *Acta Linguistica Petropolitana*, No. 2. Tom 5, pp. 497–510. (In Russian)

Pahomov, E. F. (2003). *Vostochnyi strannik* [The Eastern Wanderer]. 206 p. Elista, Dzhangar. (In Russian)

Pyurbiev, G. C. (197). *Grammatika kalmtskogo iazyka. Sintaksis slozhnogo predlozheniia* [Grammar of the Kalmyk Language. The Syntax of a Complex Sentence]. 141 p. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Sanzheev, G. D. (1983). *Grammatika kalmytskogo iazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Kalmyk Language. Phonetics and Morphology.]. 335 p. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1935). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. III. Proizvedeniia (1852–1856). 344 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1957). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. XXI: Novaia Azbuka i Russkie knigi dl'a chteniia (1874–1975). 692 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1954). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. XXXI: Proizvedeniia (1890–1900). 325 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (2000). *Yasn* [The Bone]. Orchulsn' Iri-na Nadvidə. Hal'mg Ynn. 5 lus sar. Pp. 23–24. (In Kalmyk)

Tolstoi, L. N. (1991). *Buuda* [Buddha]. Orchulsn' Okna Boris. Hal'mg Ynn. 20 taka sar (No. 136). P. 2. (In Kalmyk)

Tolstoi, L. N. (1961). *Kelvrmyd: L. N. Tolstoi oḡḡrəd 50 ḡḡil bolḡḡah oənd* [Stories: On the 50th Anniversary of Leo Tolstoy's Death]. 180 p. Elst, Khal'mg degtr haphach. (In Kalmyk)

Shugran, V. (1977). *Lev Tolstoi* [Leo Tolstoy]. Hal'mg Ynn. 15 moha cap (No. 52). P. 4. (In Kalmyk)

Shugran, V. (1977). *Ədrin shinrlt* [Daytime Transformation]. Elst, Hal'mg degtr harhach. Pp. 31–33. (In Kalmyk)

Zalizniak, A. A., Paducheva, E. V. (1997). *K tipologii otnositel'nogo predlozheniya* [On the Typology of a Relative Sentence]. *Semiotika i informatika*. Vyp. 35. Pp. 59–107. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Болдырева Ольга Николаевна,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова,
358000, Россия, Элиста,
Ленина, 226.
olya.boldyreva2013@yandex.ru

Арашаева Байрта Петровна,
аспирант,
Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова,
358000, Россия, Элиста,
Ленина, 226.
arashaevabp@mail.ru

Boldyreva Olga Nikolaevna,
Ph.D. in History,
Assistant Professor,
Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov,
226 Lenin Str.,
Elista, 358000, Russian Federation.
olya.boldyreva2013@yandex.ru

Arashaeva Bairta Petrovna,
graduate student,
Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov,
226 Lenin Str.,
Elista, 358000, Russian Federation.
arashaevabp@mail.ru